

Зыгмонт А.И.

**СОВРЕМЕННАЯ ПРИХРАМОВАЯ СРЕДА
КАК СООБЩЕСТВО
В СИТУАЦИИ ЖЕРТВЕННОГО КРИЗИСА**

Alexey Zygmont

CONTEMPORARY PARISH MILIEU AS THE COMMUNITY
IN THE SITUATION OF THE SACRIFICIAL CRISIS

The article represents an experiment in empirical study of contemporary Orthodox subculture based on the concept of “sacrificial crisis” proposed by René Girard. Putting forward the hypothesis that an eschatological narrative is a message about the real or imagined social crisis, the author regards the themes characteristic for parish milieu: apocalyptic “contagion” of space, time, language, “untruth” and “apostasy” of the Moscow Patriarchate’s hierarchy, specific images of an enemy, the representations of the substitution of the sacred with the diabolical. Combination of crisis ideas and images sometimes provides remarkable system effects, like alienation of violence in favor of the divine forces in messianic discourse’ context. Crisis erosion of the central structures is regarded on the material of the confrontation between traditional and charismatic authority of the official church hierarchy and the startzi accordingly, and the centrifugal localization of the subculture.

Понятие *прихрамовой среды* было предложено фольклористкой Ариной Тарабукиной для обозначения специфической православной субкультуры, формирование которой относится к концу XIX – началу XX вв. Именно тогда, в период после поражения в Крымской войне (1853-1856), среди православных начинает формироваться образ России как последнего оплота истинной веры, «мессии» и «жертвы», ведущей непрерывную священную войну со своими внутренними и внешними врагами –

жидами, масонами, оккультистами, дарвинистами, социалистами и т.д., – представление, легшее в основу эсхатологического мировоззрения церковных людей¹. В научном сообществе это понятие не является общеупотребительным: одни исследователи используют его систематически либо время от времени (Е. Левкиевская², М. Ахметова³, Ж. Кормина⁴, Т. Фолиева⁵ и др.), другие критикуют или предлагают альтернативную терминологию⁶. Мы же полагаем его в целом удачной «диагональной» моделью, мобилизующей ресурсы целого ряда дисциплин – фольклористики, антропологии, социологии, – для рассмотрения феномена, который не укладывается в рамки макро-исследований РПЦ или т.н. «социологию приходов».

Условно прихрамовую среду можно определить как конфессиональную экстернальную субкультуру, т.е. периферийный культурный код, противопоставленный центральному, транзитивные функции которого в конце 80-х – начале 90-х гг. оказались востребованы в ситуации острого социального кризиса⁷. Тезис о том, что этот кризис стал

¹ Тарабукина А.В. Мировоззрение «церковных людей» в массовой церковной литературе рубежа XIX-XX веков // Традиция в фольклоре и литературе. – СПб.: 2000. – С. 191-230.

² Левкиевская Е.Е. Современная прихрамовая среда как конфликтное поле: языковые и культурные формы выражения конфликта // Конфликт в языке и коммуникации. Материалы конференции. – М.: РГГУ. 2011. – С. 409-424.

³ Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране. – М.: ОГИ, РГГУ, 2010.

⁴ Кормина Ж. Режимы православной социальности в современной России: прихожане, паломники, сетевики (на примере о. Залита) // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – С. 189-211.

⁵ Фолиева Т.А. Паломничество как отражение повседневности // Паломничество и религиозный туризм: многообразие интерпретаций. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2011. – С. 198-208.

⁶ Митрохин Н. Русская Православная Церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 58.

⁷ См. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт

причиной «религиозного возрождения» 90-х в целом, сегодня справедливо оспаривается¹, однако в отношении прихрамовой среды он сохраняет свою силу. Социолог Жанна Кормина рассматривает ее как историчную, но нелокальную социальную сеть – более или менее устойчивую совокупность личных «повязок», протяженную во времени, однако не привязанную к какому-либо конкретному региону². Парадоксальным образом оформление этой радикально антимодерной субкультуры стало возможным в т.ч. и за счет возникновения средств массовой информации и коммуникации, благодаря которым осуществляется циркуляция и распространение того, что исследователи называют «мифологией» прихрамовой среды. Это своего рода плюралистический метанарратив, включающий один комплект аксиом и несколько комплектов лемм и теорем; из них церковные люди собирают схожие между собой картины мира, общими знаменателями которых являются дуалистическая историософия и актуальный эсхатологизм.

Настоящая статья представляет собой попытку исследовать «кризисную» составляющую прихрамовой среды, организовав его вокруг понятия *crise sacrificielle*, предложенного в 1972 г. франко-американским антропологом, философом и теологом Рене Жиаром в его наиболее известном труде «Насилие и сакральное»³. Это понятие сложно перевести на русский язык, этнографического исследования системы 1986-1989 гг. – СПб.: Наука, 1993. – С. 17.

¹ См.: Кормина Ж.В., Штырков С.А. «Это наше, исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория советской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 7-45.

² Кормина Ж. Режимы православной социальности в современной России: прихожане, паломники, сетевики (на примере о. Залита). С. 192.

³ Girard R. Violence et le sacré // Girard R. De la violence à la divinité. – Grasset, Fasquelle, 2007. – P. 303-333. Примечательно, что уже через шесть лет в книге «Сокровенное от основания мира», как и во всех последовавших за ней текстах, Жиар обозначает этот феномен как *crise mimétique*, указывая на него как на нечто имманентное желанию самому по себе. Поэтому далее

что называется, «красиво»: Григорий Дашевский не вполне дословно переводит его как *жертвенный кризис*, хотя это скорее *кризис жертвоприношений*¹. Отметим, что до сих пор это понятие практически не использовалось в академических исследованиях и оставлялось на откуп американским и австрийским последователям Жирара и всякого рода любителям эзотерики (прежде всего юнгианцам и евразийцам)². Однако мы полагаем, что оно обладает высоким эвристическим потенциалом в качестве модели определения ситуации³, действующего, в данном случае, в рамках конкретной социальной сети. Она позволяет как зафиксировать определенные феномены и процессы в религиозном мышлении, воображении, дискурсе, так и объяснить некоторые связанные с ними рутины, практики, институты и характерные особенности субкультуры. Разумеется, предложенная нами интерпретация жертвенного кризиса никоим образом не претендует на историко-философскую корректность в том смысле, что не соответствует мысли Жирара в точности, а в некоторой степени насильственно изымается из ее контекста в качестве научной пропозиции.

Подбирая иллюстративный материал, автор отдавал предпочтение в первую очередь данным, собранным им в ходе полевых работ, проведенных на молитвенных стояниях

мы будем основываться на интерпретации, предложенной именно в «Насилии и сакральном». См.: Girard R. Les choses cachées depuis la fondation du monde. – Grasset, 1978, – P. 385.

¹ См.: Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

² Хотя попытки такого рода, безусловно, имели место. См., напр.: Бурлачук В. Символ и власть: Роль символических структур в построении картины социального мира. – К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – С. 129-141. Игнатъев А.А. Пять базовых концептов социологии религии // Социологическое обозрение. – Т. 13. – № 1. – 2014. – С. 155-170. Сидоренко И.Н. Философия насилия Р. Жирара и «жертвенный кризис» современности // Философия и социальные науки. – № 1. – 2015. – С. 17-21.

³ Об этом понятии см.: Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. – University of Edinburgh. Social Sciences Research Centre, 1956.

в Москве, на «Чине всенародного покаяния русского народа» в с. Тайнинское Моск. обл., в г. Чебаркуле Челябинской обл. (культ отрока Вячеслава Чебаркульского) и Дивеево, в 2010-2014 гг.¹, а также более или менее случайным, но все же личным свидетельствам, полученным в результате спонтанного общения с православными активистами в московских электричках или со знакомыми из числа представителей прихрамовой среды. Однако зачастую мы все же будем вынуждены опираться на материалы, представленные в работах Тарабукиной и Ахметовой, которые до сих пор остаются наиболее содержательными исследованиями по этой теме. Некоторыми изложенными в статье идеями автор обязан своему бывшему преподавателю, социологу Андрею Игнатьеву, в свое время подтвердившему его предположение о продуктивности модели жертвенного кризиса, за что и приносит ему свою искреннюю благодарность.

Эсхатология, или жертвенный кризис

Вопрос о том, почему и как понятие жертвенного кризиса может быть продуктивным для исследований эсхатологии, является вполне закономерным, но предлагаемый нами ответ на него достаточно радикален: мы полагаем, что почти любой эсхатологический нарратив – это сообщение о действительном и/или воображаемом социальном кризисе, сделанное на языке религии, в той мере, в какой он является специфичным. Жертвенный кризис означает в первую очередь кризис (социальных) различий, эрозию и упадок тех или иных системообразующих практик и институтов: все это вызывает переживание погружен-

¹ См.: Зыгмонт А.И. Культ отрока Вячеслава Крашенинникова (по материалам исследования, проведенного в г. Чебаркуль Челябинской обл.) // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. – № 6. – 2011. – С. 148-161; Зыгмонт А.И. Чин Всенародного Покаяния в с. Тайнинское по состоянию на 2011 г. (по материалам исследования, проведенного в Москве и Московской обл. в 2011 г.) // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. – № 7. – 2012. – С. 143-153.

ности мира в хаос и тотального разгула насилия. Как древнейшие, так и современные тексты служат тому подтверждением. В 186 главе «Махабхараты», например, говорится буквально следующее:

На самом исходе юги, последней из тысячи юг, все люди, о бык среди бхаратов, становятся лживыми. В то время, о Партха, соблюдается лишь видимость жертв, даров и обетов. Брахманы занимаются тем, что положено шудрам, а шудры в конце юг нажсинают богатства или следуют дхарме кшатрия. Во время Калиюги брахманы отступают от принесения жертв и чтения Вед, забывают о поминальных жертвах и едят что придется. Брахманы не творят молитв, в молитвы погружены шудры. Если все в мире идет вопреки установленному – это предвестие гибели. Многие млеччи правят землей, о властитель потомков Ману! [...] «Эй!» – обращаются к брахманам шудры, а брахманы отвечают им: «О почтенный!»¹

Далее текст повествует о различных катастрофах и катаклизмах, сопровождающих нарушение сакрального мироустройства. Здесь мы видим, с одной стороны, размывание различий между брахманами, кшатриями, вайшьями и шудрами, а с другой – эрозию ритуала, который становится лишь видимостью, кажимостью, или же исчезает вообще. Это касается также и всех форм традиционного авторитета, как следует из последней фразы в приведенной цитате. И при этом, конечно, весь мир оказывается захвачен врагом, так что «многие млеччи правят землей». Очевидно, что в этом классическом тексте эсхатология сливается с социальным кризисом, который является также кризисом ритуала – и в форме практик, и в форме институтов. Всему этому несложно найти аналог и в мифологии прихрамовой

¹ Махабхарата. Араньякапарва / Пер. Василькова Я.В. и Невелевой С.Л. URL: http://markandeya.narod.ru/mbh_kaliyuga.htm (дата обращения: 25.10.2015).

среды: критика брахманов идентична критике «апостасийного» священноначалия Московской Патриархии, в оскверненных храмах которой, может быть, давно уже нет ни благодати, ни причастия (т.е. действующего ритуала); церковные люди точно так же ждут скорой войны, стихийных бедствий, техногенных катастроф и полагают, что мир находится под властью дьявола и его слуг – «жидов», масонов и всякого рода колдунов. Рене Жирар пишет о жертвенном кризисе как о ситуации тотальности двойничества, когда люди и вещи дублируют друг друга, в худшем случае сливаясь до состояния неразличимости¹, и в современной православной мифологии мы встречаем множество примеров двойников и всякого рода подменных структур, о чем мы еще скажем далее.

Динамика эсхатологии, равно как и жертвенного кризиса – это в первую очередь динамика *насилия*. Нормальным для религиозного сознания определением ситуации является «космическая война», т.е. представление о противостоянии добра и зла, света и тьмы, или сакрального и профанного². Профанное как негативный полюс идентичности мыслится в качестве насилия самого по себе и воплощается в религиозных образах врага и связанных с ним эффектах вроде «тлетворного влияния Запада»³. Именно такова ситуация, скажем, православных

¹ Girard R. *Violence et le sacré*. – P. 433-434.

² О понятии «космической войны» см.: Juergensmeyer M. *Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence*. – University of California Press, 2003. – P. 149; Juergensmeyer M. *Global Rebellion. Religious Challenges to the Secular State, from Christian Militias to Al Qaeda*. – University of California Press, 2008. – P. 212-220; Aslan R. *Cosmic War in Religious Traditions // Oxford Handbook of Religion and Violence*. – Oxford University Press. – P. 260-266.

³ Мы отдаем себе отчет в том, что противопоставление сакрального и профанного в том смысле, в каком мы его излагаем вслед за Марком Юргенсмейером, отличается от классического, однако для нас важно подчеркнуть их противостояние в контексте понятия насилия. В конце концов, еще Жорж Багай отмечал, что в христианстве профанное начинается идентифицироваться со скверной, нечистотой, а дьявол называется «князем мира сего», так что мы не усматриваем в этой вольности большого греха. См.

националистов – преимущественно городской субкультуры, мыслящей себя в терминах милитантности и виктимности, но имеющей возможность противопоставить большему и профанному насилию врага свое собственное, меньшее и сакральное, которое выражается, например, в активном противостоянии «сектантам» и «содомитам»¹. Однако почему члены прихрамовой среды, мышление и воображение которых столь сильно захвачено, увлечено насилием, в общем не склонны к его применению? Как мы полагаем, это связано именно с тем, что действующим определением ситуации для них является жертвенный кризис, предполагающий тотальность насилия как всепроникающей «заразы» и эрозию механизмов очищения насилия насилием в ритуале – Жирар пишет об этом как об утрате различия между насилием чистым и нечистым, жертвенным и нежертвенным². Сейчас мы попробуем рассмотреть то, как представители прихрамовой среды мыслят себе тотальность насилия.

Насилие, мыслимое как тотальность

Жертвенный кризис открывается в контексте заключительного этапа космической войны между силами добра и зла, света и тьмы, который можно условно обозначить как «космическое завоевание»: в этой последней битве, в соответствии с законами жанра, добро должно оказаться на волоске от гибели (или даже погибнуть), но в конце концов одержать победу. В представлениях церковных людей силы хаоса, воплощающие собой чистое насилие, с каждым днем получают все больше власти над сакральным космосом и начинают отравлять, заражать его своими болезнетворными

его работу: Bataille G. Théorie de la religion // Œuvres complètes. – Gallimard, 1976. – Т. 7. – Р. 324-326.

¹ См.: Верховский А. Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995-2001 г. – М.: Информационно-аналитический центр «Сова», 2003. – С. 149-152.

² Girard R. Violence et le sacré. – Р. 312.

флюидами: этот процесс воплощается в эсхатологических катастрофах и катаклизмах, войнах, осквернении сакрального пространства / времени, профанации святых мест, массовой апостасии, распространении демонических артефактов вроде телевизоров или компьютеров, захвате контроля над небом и землей с помощью невидимых кристаллических решеток, повсеместном господстве бесчисленных врагов. Экстраординарное количество насилия переходит в качество и предстает чем-то вроде лавины или оползня, являя себя в своей *тотальности*. Оно обрушивается на всех и вся, не различает праведников и грешников, выходит за границы всякой справедливости и несправедливости. В качестве примера – два определения ситуации, данные блаж. Пелагеей Рязанской¹ и архим. Петром (Кучером) соответственно:

В последние времена народ весь будет больной, какая будет смертность! Все за то, что народ не будет крестом креститься! Болезней от Бога не будет! [...] Будут умирать большие, но только от чародейства и колдовства. Она мне сказала, что перед антихристом все болезни будут от диавола, в лапы которого, перестав креститься, отдаст себя народ! От Бога смерти уже не будет: убивать будут или бесы, или слуги антихриста. Весь мир несет Русскому народу зло и смерть, хочет истребить его с лица земли всеми путями и средствами!²

...в режиме глобализации, т.е. во всемирном царстве антихриста, изменится смысл, суть и само существо

¹ Поскольку практически вся информация об этой святой старице была запущена в обращение создателями альманаха «Жизнь Вечная» (№ 18, 1996), то это определение ситуации можно считать принадлежащим также и им самим.

² Пророчества о конце света – Пелагея Рязанская (последние времена). URL: http://www.elisavetgrad.ru/new/Ugodnica_Bozhija_Pelagija_Rjazanskaja_a.html (дата обращения: 25.10.2015).

человеческого бытия... жизнь во Христе сменится жизнью в сатане [...] Вся тысячелетняя история нашего Отечества - это почти непрерывная война антихриста против Русской Церкви Христовой... Сегодня враг уже перетягивает и наш православный народ из Церкви Христовой в Церковь антихриста, которой является строящееся глобальное или всемирное электронное царство антихриста, где вместо благодати Божией люди будут жить под воздействием мертвящей силы дьявола¹.

Глобализация трактуется православными как процесс стирания границ, утраты различий, закономерно ведущих к эскалации насилия, крайняя степень которого выражается даже не в полном уничтожении русского народа, а в превращении его в своего собственного двойника, аморфную массу антихристовых приспешников. Другой гранью этого процесса является развитие т.н. «технической эсхатологии» – представлений о дьявольской природе тех или иных технических артефактов – компьютера, телевизора, телефона, всякого рода чипов, кибернетических имплантов и прочего, о чем уже написано достаточно много². Все это, в свою очередь, связано и с демонизацией и разрушением (что одно и то же) всякого рода бывших центров – больших городов, оскверненных святых мест и т.д. Квинтэссенцией этой заразы является Печать Антихриста, которая неумолимо преследует верных из будущего, «Точки Омега», постепенно воплощаясь в своих субститутах: ваучере, медицинском полисе, страховом свидетельстве, советских и российских паспортах, ИНН, УЭК,

¹ Петр (Кучер), архим. Глобализация – это «перестройка» человека в беса. URL: <http://www.odigitria.by/2011/09/14/globalizaciya-perestrojka-cheloveka-v-besa-archimandrit-petr-kucher/> (дата обращения: 25.10.2015).

² Любимова Г.В. «Техническая эсхатология» в народно-православной и старообрядческой традициях Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 3 (2009). – С. 119-127.

и особенно – в паспорте биометрическом и «мировом», которого пока еще нет¹. Принятие Печати при этом – не единичный акт, а процесс, в космическом масштабе совпадающий с эсхатологическим пожиранием сакрального профанным². Гибнущий мир переживается как заколдованный, перевернутый, искаженный, в нем рвутся связи между идеями и вещами. Информант говорит об этом следующее:

Я вот все, тоже вот. Когда Славик говорил, что как там это...три четырнадцатых-то.

Что у нас неправильное оно. Я вот думаю – как же, кто же может, ну придумать или изменить это число [...] Вот вы говорите – круг есть. А может он, круг, совсем и не круг у нас? Мы рисуем круг такой круг, а он может быть чуть-чуть измененный.

(муж. ок. 65, Чебаркуль).

Эсхатологические «последние времена» – это не только отрезок времени, примечательный лишь за счет того, что вмещает в себя те или иные события: их наступление является также *событием, происходящим с самим временем*. И Тарабукина³, и Ахметова⁴ отмечают, что оно становится пластичным – стяжимым и растяжимым, однако интерпретируют это изменение как в целом позитивное, связанное с постепенным переходом времени в вечность или с безвременьем инициации. Мы, однако, хотели бы обратить внимание также на другую, негативную, сторону

¹ Пророчества Святого Славика о будущем России. URL: <http://ttolk.ru/?p=3485> (дата обращения: 25.10.2015).

² Згм. Москва - Третий Рим. Мышеловка захлопнулась? УЭК (биометрический паспорт) – окончательное отречение. URL: <http://3rm.info/27337-myshelovka-zahlopnulas-uek-biometricheskiy-pasport-okonchatelnoe-otrechenie-ot-hrista-dalee-zombirovanie-i-pechat.html> (дата обращения: 25.10.2015).

³ Тарабукина А.В. Фольклор и культура прицерковного круга. Дис.... канд. филол. наук. – СПб.: ИРЛИ РАН, 2000.

⁴ Ахметова М. Конец света в одной отдельно взятой стране. – С. 81-82.

этого события – на то, что пластичность времени является следствием эрозии того, что поддерживает саму его работу. В нормальной ситуации время является как бы «натянутым» на ритуал, как на каркас: религиозный календарь обеспечивает *отличие* дней, недель и месяцев, поскольку размечает их, например, праздниками и посвящением памяти тех или иных святых. Вместе с эрозией ритуала приходит и эрозия времени: оно начинает сокращаться и как бы слипается в один большой ком.

Время перед концом света – это время, отданное на растерзание дьяволу. В сборнике «Старцы о последних временах» об этом говорится прямо: «Время захвачено врагом, ниспавшим от ангельского величия со всем демонским множеством своим»¹. Еще в одном документе, посвященном сатанинской символике в российском паспорте образца 2004 г., неизвестный автор связывает число 666 с временным измерением, безо всякой цитаты приводя слова из книги прот. Михаила Труханова «Дивны дела твои, Господи»² и тем самым помещая его рассуждение в актуальный эсхатологический контекст:

Цифра 6 предшествует цифре 7 и, следовательно, логически может означать собою некое время, если только таковое было, существовавшее до начала века сего, изображаемого цифрою 7 [...] Святое Писание и Святое Предание нас известуют, что время такое было, и было оно тогда, когда высший из сотворенных ангелов, Херувим, Денница, отпал от Бога... логически начертание века богоборства Сатаны должно изображаться цифрою 6³.

¹ Ильинская А. Старцы о последних временах. Духовные очерки. URL: <http://www.zaistinu.ru/progoch/antichrist/olders.shtml> (дата обращения: 25.10.2015).

² Слово о Шестодневе // Труханов М., прот. Дивны дела твои, Господи. – М.: Лучи Софии, 1995. – С. 39.

³ Оригинальное название текста – «В новом российском паспорте

Однако дьявольское время может восприниматься даже не как время, а как *безвремяе*, своего рода темный двойник вечности. Открытие этого временного «провала» связывается с потрясением сакрального космоса в 1917 г., когда был убит святой царь Николай II, к власти пришли безбожники-большевики и Святая Русь как бы погрузилась в кому, лиминальное состояние, «сон и смерть»¹. Для определения ситуации может быть использован, например, образ святого града Китежа, который скрыт в водах о. Светлояр, но вскоре поднимется на поверхность². Настоящее, таким образом, представляется как «провисающее» профанное время, в котором профанное час за часом неумолимо пожирает сакральное, смешиваясь с ним и подменяя его содержание своей бессодержательностью.

Кризисную ситуацию в сообществе парадоксальным образом позволяет диагностировать также и то, что в нем начинается актуализация или изобретение практик и институтов, направленных на ее преодоление: новые образы врага подвигают к противодействию этому врагу с помощью молитв, распространения литературы, аудио- и видеоматериалов, демонизация больших городов или страх перед грядущей войной с сатанинским воинством влечет за собой переезды в деревни

существует кабалистическая печать!». Кто его автор или авторы - неизвестно, но в результате его распространения он был частично перепечатан в газете «Русский Есфигмен» (№4, 2004), выходящей по благословию схиеп. Николая (Ускова), наместника монастыря в честь иконы Пресвятой Богородицы «Взыскание Погибших» в Тверской обл., принадлежащего к Единой Православной Царской Российской Церкви, которая в 2010 или 2011 г. воссоединилась с РПЦЗ (Агафангела). Электронная версия текста: URL: <http://ok.ru/profile/570954444776/statuses/64134327864296> (дата обращения: 25.10.2015).

¹ Кормина Ж., Штырков С. Православные версии советского прошлого: политики памяти в ритуалах коммеморации // Антропология социальных перемен. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – С. 391.

² Царский сайт - святой град Китеж. Град Китеж - чудо на озере Светлояр. URL: <http://tsarskiy-kitezh.ru/grad-kitez-h-chudo-na-ozere-svetloyar/> (дата обращения: 25.10.2015).

и села, а представления об «отступничестве» и «неистинности» священноначалия РПЦ заставляют обращаться к харизматическому авторитету старцев и изыскивать новые формы организации¹. Поэтому в связи с эрозией времени в приходской среде возникают новые практики его структурирования. Наиболее примечательной из них являются «молитвы по соглашению», когда разные люди в разных местах читают одни и те же молитвы в одно и то же время, согласно евангельскому «где двое или трое соберутся во Имя мое, там и Я посреди них» (Мф 18:20). Содержание молитв может быть самым разным, в т.ч. и эсхатологическим². Для нас важно, что в эту практику имплицитно заложен еще один мотив, далеко не всегда четко проявленный – представление о том, что обычные молитвы *не доходят* до Бога, в то время как молитва по соглашению, как написала одна православная в комментариях к ней, «читается многими людьми, поэтому в любом случае дойдет до Господа»³. Поскольку исходное сомнение можно определить опять-таки как эрозию ритуала, для его реанимации изобретается новый.

Эсхатологическое «заражение», впрочем, затрагивает далеко не только измерения пространства и времени, но и многое другое – например, *язык*. В качестве дьявольского двойника сакрального либо нормального языка часто рассматривается обцененная лексика, «сквернословие» или «срамословие». Определения его истинной сущности при этом варьируются от указаний на то, что матерная ругань – это болезнь души и общества,

¹ См.: Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (практики духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. – СПб., 1995. – С. 110-176.

² Молитва по соглашению о спасении России (читается по Москве в 22 час.) URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_9156/ (дата обращения: 25.10.2015). Православные призываются к соборной молитве по соглашению в ночь на 22 мая URL: <http://www.sobor2008-narod.ru/113-pravoslavnyue-prizyvayutsya-k-sobornoj-molitve-po-soglasheniyu-v-noch-na-22-maya.html> (дата обращения: 25.10.2015).

³ См. первую ссылку в сноске выше.

слова «грязные», «гнилые», «омерзительные» и «богохульные»¹, до пассажиров наподобие этого:

Скверные чудовищные выражения (матерная брань) суть на самом деле молитвенные формулы, обращенные к демонам. Это не просто легкомыслие, не просто грубая шутка, не простое колебание воздушных волн. Произнося страшные заклинания, человек вызывает и привлекает к себе гнуснейших бесов, приносит сатане противоестественную словесную жертву! Он делается колдуном, магом, чародеем посредством самых смрадных приемов².

Этим, однако, дело не ограничивается. От одного священника из Нижнего Новгорода нам довелось услышать впечатляющий рассказ о том, как «жиды» заставляют русский народ говорить на их языке, так что даже самые, казалось бы, невинные слова и выражения на поверку оказываются внушенными дьяволом. К ним относятся, например, такие слова, как «спасибо» / «пожалуйста» (вместо «Христа ради» / «во славу Божию»), а также пожелание «доброе утро»: здесь дело в том, что *когда жиды Христа распяли*, на следующее утро они выходили из своих домов и говорили: «Какое утро-то доброе!» Поэтому произносящий эту формулу человек как бы соучаствует им в убийстве Спасителя.

Как мы уже неоднократно упоминали, эсхатологическая *зараза* есть *подмена*, создающая ситуацию тотального двойничества, которую прекрасно иллюстрируют современные зомби-фильмы. Прогрессирующее смешение сакрального и профанного создает эффект «двоения» в глазах, классическую дилемму двух пилюль, лекарства и смертельного яда.

¹ Цит. по не найденному нами в интернете печатному источнику.

² Сквернословие // Дороги, ведущие в ад / А. Раков, сост. – СПб.: Сатисъ, 1994. URL: http://www.library.pravpiter.ru/book_3.htm (дата обращения: 25.10.2015),
165

Архим. Петр (Кучер) говорит о подмене жизни во Христе жизнью в Сатане, сквернословие подменяет нормальный человеческий язык, а принятие ИНН может быть воспринято как подмена богоданного имени дьявольским номером¹. Более того, в результате принятия Печати Антихриста или ее субститутов постепенно подменяется сам человек: он теряет свое «я», по выражению старца иеросхим. Рафаила (Берестова)². Эсхатологическое мышление и воображение избобилуют и статичными дублирующими структурами: это Христос и Антихрист или Грядущий Царь и Антихрист у царебожников, Печать Антихриста и Печать Христа, в греческом тексте, обозначенные, соответственно, как *χάραγμα* – «клеймо» и *σφραγίς* – «печать»³, подлинные и неподлинные мощи св. прп. Серафима Саровского⁴, истинные и неистинные архиереи, православный и еретический Восьмой Вселенский Собор⁵.

¹ Згм. Москва - Третий Рим. ИНН (номер паспорта) - новое имя человека, которое ему присваивает сатана URL: <http://3gm.info/page,1,1,12911-inn-nomer-pasporta-novoe-imya-cheloveka-kotoroe.html> (дата обращения: 25.10.2015).

² Рафаил (Берестов), иеросхим. О принятии антихристовых документов и начертаний. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=LrjmTe52iDE&feature=related> (дата обращения: 25.10.2015).

³ Ср. Откр 7:4: «И я услышал число запечатленных (των σφραγισμένων): сто сорок четыре тысячи запечатленных от всех колен Израилевых» и Откр 13:16-18: «И он поступает так, чтобы всем, малым и великим, и богатым и нищим, и свободным и рабам, дали клеймо (*χαραγμα*) на руку их правую или на лоб их, и чтобы никто не мог ни купить, ни продать, кроме того, кто имеет клеймо: или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Имеющий ум, да сочтет число зверя; ибо оно число человеческое. И число его шестьсот шестьдесят шесть».

⁴ См.: Басин И.В. Миф мощей преподобного Серафима Саровского // Страницы: Богословие. Культура. Образование. – Т. 2. – № 3 (1997). – С. 385-397; № 4. – С. 538-549.

⁵ См.: Душенов К. Волчий собор накануне глобального взрыва. URL: <http://www.sobor8.ru/92-konstantin-dushenov-volchiy-sobor-nakanune-globalnogo-vzryva.html> (дата обращения: 25.10.2015). Обращение против созыва 8 Собора 2016 (видео) URL: <http://protivkart.org/main/5153-obraschenie-k-deputatam-gosdumy-rf-protiv-sozyva-sobora-2016-g-video.html> (дата обращения: 166

Хотя различные образы врага можно рассматривать как неотъемлемую составляющую религиозной, политической и любой другой идентичности¹, их эсхатологические изводы обладают некоторой спецификой: они больше абстрактны, чем конкретны, и тотальны, в связи с чем становится особенно актуальным такое их качество, как *заразность*. Враг везде и всюду, он давно захватил весь мир и теперь ведет наступление на Святую Русь. Поэтому для эсхатологических образов врага характерна либо иная, либо намного более сильная образность, представленная, например, в образе колдуна, чародея:

Америка – это рассадник зла. Они уже институт открыли для подготовки колдунов. Они уже многих дипломированных колдунов... по всему миру эта гадость уже рассаждается. У них цель какая? Уничтожение православия, света, правды Божьей по земле (муж. ок. 40, Тайнинское, 2011).

И, хотя Пелагея Рязанская обещала за убийство колдуна «золотой венец от Господа»², очевидно, что противостоять этому всепроникающему злу невозможно иначе, кроме как постом и молитвой. Это еще одна особенность жертвенного кризиса: в то время как православный националист способен разогнать сборище вражеское силой и может ручаться за то, что никогда не станет вражеской марионеткой, представитель прихрамовой

25.10.2015). Великий разбойничий собор URL: <http://www.christian-spirit.ru/v99/99-13.htm> (дата обращения: 25.10.2015).

¹ См., напр.: Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / Л. Гудков, сост., Конрадова Н., ред. – М.: ОГИ, 2005. – С. 7-79. Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // *Социологические исследования*. – № 1. – 2008. – С. 31-39.

² Святая блаженная старица Пелагея Рязанская. URL: http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov_M/Sborniki/Pelagiia_Riazanskaia/Pelagiia_Riazahskaia.html (дата обращения: 25.10.2015).

среды никак не может уберечься от того, чтобы стать жертвой колдовства или от того, что кто-нибудь из его родных и близких примет Печать Антихриста в образе полиса медицинского страхования. Контекст тотальности и профанации насилия становится, таким образом, фундаментом для структур отчуждения насилия в пользу божественных сил: только Грядущий Царь или Иисус Христос способны очистить мир от заразы, но до их пришествия православным остается только ждать и надеяться.

Существует, однако, одна форма актуального насилия, для церковных людей почти что специфическая: это *молитвы на смерть* (таких-то врагов Христовых). Ближайший их прецедент в традиции – молитвы Иоанна Кронштадтского на смерть Льва Толстого¹, и хотя о таких молитвах иногда с одобрением отзываются и люди, далекие от субкультуры², связанные с ними теория и практика сегодня имеют хождение прежде всего в ней. Например, в сборнике своих проповедей «Православие – это религия царских воинов» священник Евгений Смольянинов, вопреки ожиданиям, в качестве «православного оружия» предлагает именно *проклятие*: «Проклятие – это сообщение всем о духовной смерти отпавших от Христа и Его Церкви. Проклятие – это оружие Самого Господа против человеческого нечестия. Все проклятое не живет не только в будущем веке, оно гибнет и в настоящем»³. Далее следует список проклятий.

¹ См., напр.: Басинский П. Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. – М: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2013. Разумеется, в традиции есть и другие прецеденты, наиболее известным из которых является т.н. *псалмокатара*, «проклятие псалмами», бытовавшее в греческой православной церкви в XIII-XVII вв. См.: Алмазов А.И. Проклятие преступника псалмами (*Ψαλμοκатарα*). К истории суда Божьего в Греческой церкви. – Одесса: «Экономическая» типография, 1913.

² См.: Даниил Сысоев, иерей. Территория Православия – вся вселенная. URL: http://www.katehon.ru/html/top/eccleio/sysoev_territoria_pravoslavia_vsia_vselennaya.htm (дата обращения: 25.10.2015).

³ Евгений Смольянинов, священник. Православие – это религия царских воинов. Сборник статей. – М.: 2008. – С. 124-125.

Это свидетельство можно было бы считать уникальным, если бы та же идея не встречалась и в сообщениях информантов: так, православный из Дивеево сообщает о силе 108 псалма, которого как огня боятся бесы, и которым он однажды случайно умертвил своего соседа-армянина, оказавшегося колдуном. Информант уточнил, что молиться таким образом можно только по благословению и указал на некоего о. Германа из Дивеево, «своего человека», который обладает компетенцией для его преподания. Иногда в прихрамовой среде также звучат призывы на молитву *против чего-либо*, которые в таком случае читаются соборно, как молитвы по соглашению¹.

Это рассуждение подводит нас к тезису, который может оказаться небезынтересным для исследований проблематики религии и насилия в целом. Дело в том, что некоторые исследователи – например, Чарльз Селенгут² и Джамаль Велджи³, – указывают на эсхатологическое мышление и воображение как на одну из возможных предпосылок религиозного насилия. Однако наш анализ позволяет предположить прямо обратное: радикальный, предельный эсхатологизм прихрамовой среды, напротив, *не приводит* к исполнению актуального насилия – в отличие, скажем, от сдержанного эсхатологизма православных националистов. Этот факт представляется нам обусловленным спецификой кризисной ситуации тотальности и заразности насилия, а также тем, что институты очищения и канализации насилия в ее контексте утрачивают свою легитимность. Апокалиптическое мышление церковных людей, безусловно, заморожено насилием, но отказывается от его применения. Эсхатологический контекст, однако, не следует путать с мессианским – история религии

¹ Гей парад в Киеве. Всеобщая молитва по соглашению. Письмо в редакцию. URL: <http://www.3rm.info/23168-gey-parad-v-kieve-vseobschaya-molitva-po-soglasheniyu-pismo-v-redakciyu.html> (дата обращения: 25.10.2015).

² Selengut C. Sacred Fury: Understanding Religious Violence. – Rowman & Littlefield Publishers, 2008. – P. 85-120.

³ Velji J. Apocalyptic Religion and Violence // Oxford Handbook of Religion and Violence. – P. 250-258.

предоставляет несомненные свидетельства его насильственного характера, о чем много пишут и современные исследователи¹. Поэтому в случае реального пришествия Грядущего Царя от его последователей не придется ждать ничего хорошего.

Наконец, одним из самых важных аспектов жертвенного кризиса является *эрозия ритуала*, которую можно рассматривать двояко. С одной стороны, для отдельно взятого актора она означает, что инкорпорированные в его тело в форме габитуса² рутины и практики по непонятным причинам утрачивают свою эффективность. Результатом этого становится эффект снижения вероятности успеха повседневного действия, который может быть удачно описан идиомой *все из рук валится*: человек оказывается ввержен в ситуацию, которую Андрей Игнатъев обозначает как «хаос» и которая означает невозможность любого рационального действия³. Архим. Иоанн (Крестьянкин), например, говорит о том, что нынче уже нет не утра, ни полудня, ни вечера, поскольку нет того строя жизни, «чинного, спокойного, во времени», что позволял бы их размечать⁴. Румынский православный публицист Георгий Фечору также указывает на связь «сокращения времен» с молитвой, которая некогда различала время в течение дня и дни в течение жизни⁵. С другой стороны, эрозия ритуала выражается, например,

¹ См., напр.: Rapoport David C. Messianic Sanctions for Terror // Comparative Politics. – Vol. 20, 1988. – P. 195-213. Sprinzak E. Extremism and Violence in Israel: The Crisis of Messianic Politics // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – Vol. 555, 1998. – P. 114-126; Fox J. An Introduction to Religion and Politics. – Routledge, 2013. – P. 134-135.

² Bourdieu P. Le sens pratique // Actes de la recherche en sciences sociales. – Vol. 2, № 1. – 1976. – P. 43-86.

³ Игнатъев А. Хаос: невидимая граница рациональности // Синий Диван. – № 2. – 2002.

⁴ Иоанн (Крестьянкин), архим. Слово в день интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/print35657.htm> (дата обращения: 25.10.2015).

⁵ Фечору Г. Сокращение времени. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/48249.htm> (дата обращения: 25.10.2015).

в неопределенных сомнениях церковных людей по поводу того, свершаются ли таинства у неверующих священников¹ или в твердой уверенности в том, что в Московской Патриархии никакого причастия нет: «Однажды в Великий Четверг было 2100 причастников. Священник причастил всех, но Господь причастил 38 человек!»². Информант (муж. ок. 60) после долгого общения со старообрядцами уверился в искаженности нынешнего Символа Веры, в котором есть точки после трех первых предложений, – их быть не должно, – и не указаны имена лиц Пресвятой Троицы (Саваоф, Эммануиле, Параклит). Последователи царебожия убеждены в неправильности чинопоследования божественной литургии³, из которых еще до 1917 г. было изъято поминовение царя и царской семьи, а также других богослужебных текстов⁴. Подобные представления о молитве и литургии, таким образом, подвигают православных на создание новых практик, призванных привести оскверненный космос в порядок – в данном случае молитв по соглашению и литургий по царскому чину. Информант говорит об этом следующее:

Если в тепле, то гаденько, с предательством. Здесь все-таки лучше [...] В храме поминают (Патриарха). И не служат по Царскому Чину. Сейчас если ты попробуешь в храме служить по Царскому Чину – сразу выгонят (муж. ок. 40, Тайнинское, 2011).

¹ Ответы архимандрита Рафаила (Карелина) на вопросы по современным проблемам Церкви. Часть II. URL: <http://www.blagogon.ru/digest/251/> (дата обращения: 25.10.2015).

² За Веру, Царя и Отечество. Пророчества Пелагеи Рязанской. URL: <http://www.zawegu.ru/pravila/1497-.html> (дата обращения: 25.10.2015).

³ Молитва по Царскому Чину – это огненный меч Святорусской Державы! Обращение к священству и мирянам Русской Православной Церкви о богослужениях по Царскому Чину. URL: <http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2009/sep/n550.html> (дата обращения: 25.10.2015). Зачем надо молиться по царскому чину. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_2677/ (дата обращения: 25.10.2015).

⁴ Искажения текстов богослужебных книг. URL: <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=2947> (дата обращения: 25.10.2015).

Кризис и авторитет: эрозия, производство, (пере) распределение

Метафорически жертвенный кризис можно обозначить как обширное поражение социальной ткани, состоящей из множества рутин, практик, институтов и т.д., однако эта глобальная ситуация может быть разложена на множество крохотных случаев отмирания отдельных клеток. Это в первую очередь мелкие кризисы контекста, хорошим примером которых может послужить сломанный светофор на оживленном перекрестке: обычно этот объект задает некую систему правил, которая минимизирует количество насилия и предполагает стоящий за ней авторитет, в равной степени традиционный и рациональный: ждать зеленого света, во-первых, *принято*, во-вторых, *разумно*. В случае поломки вся эта система правил, как и связанные с ней рутины – вроде «стоять и ждать зеленого света», – исчезает, вероятность аварии значительно возрастает и каждому приходится действовать на свой страх и риск. В этой ситуации особенно выделяется фигура молодого человека, который по тем или иным причинам начинает переходить дорогу первым и за которым следуют все остальные: это и есть харизматический лидер, появление которого сопряжено с практиками вполне буквального *подражания* и *следования за*, о которых и писали в свое время Фома Кемпийский и Дитрих Бонхёффер.

Однако на макро-уровне центробежная локализация прихрамовой среды в своей динамике связана с *перераспределением авторитета*, означающим, с одной стороны, утрату лояльности по отношению к священноначалию (ту самую поломку светофора), а с другой – обращение к альтернативному или оппозиционному ей авторитету старчества. Принципиально важно, что здесь мы имеем дело не с двумя равнозначными источниками авторитета, а с двумя разными его типами, работающими совершенно по-разному.

Утрата верующими лояльности по отношению к традиционным религиозным институтам – это классический признак кризисной ситуации. Как говорится в той же «Махабхарате», «ни один брахман в ту пору не следует своей дхарме»¹. Соответственно, недоверие церковных людей к Московской Патриархии – это недоверие к *институту*, который, правда, все же оказывается воплощен в лице конкретных своих представителей.

Программа-минимум конкретных претензий к нынешнему курсу РПЦ изложена, например, в документе «Открытое обращение Белорусских православных христиан к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу по вопросам, противоречащим учению нашей православной веры», который достался мне, тем не менее, в Московской обл. Здесь обозначены две ключевые проблемы: это экуменизм и ИНН². Среди требований значится выход из Всемирного Совета Церквей и «недопущение сближения (унии) с католиками и другими иноверцами»: большинство архиереев РПЦ за исповедание «ереси экуменизма» по церковным правилам должны были бы быть извержены из сана или вовсе отлучены от Церкви. Что касается ИНН, то, во-первых, он «призван заменить название храма, в честь Святого которого он назван... что есть прямое осквернение и кощунство над храмом», а во-вторых, он «на документальном уровне» объединяет все религиозные конфессии, что также недопустимо. Текст при этом оформлен как просьба, прошение, хотя и сдобрен обвинениями в «богоборчестве»: очевидно, у его авторов еще есть надежда на покаяние священноначалия. Однако у большинства такой надежды давно уже нет: архиереи называются «неистинными, еретическими, теплохладными»³ и сравниваются

¹ Махабхарата. Араньякапарва / Пер. Василькова Я.В. и Невелевой С.Л. URL: http://markandeya.narod.ru/mbh_kaliyuga.htm (дата обращения: 25.10.2015).

² В интернете распространено множество подобных документов. Я цитирую печатную версию одного из них.

³ Сергиев Р. Лев - это Помазанник, сохранный Всевышним! URL: http://www.ic-xc-nika.ru/texts/books/sergiev_roman/lev/main.htm (дата обращения: 25.10.2015).

с «наемниками» из евангельской притчи, которые «нерадят об овцах» (Ин 10: 1-16). В листовке под названием «Что нас ждет?» сказано: «...наемники в Церкви вещают с амвонов об абсолютной безвредности для христианина личных кодов, электронных карт, чипов, объявляя противников всего этого маргиналами, сектан-тами и раскольниками»¹. Недовольные курсом Московской Патриархии называют ее «церковью жидовской» и противопоставляют Церкви с большой буквы, Церкви «не от мира сего». Православные, не интересующиеся экуменизмом и ИНН (например, опричники) высказывают идею о «тайной» апостасии духовной иерархии, так что «основные догматы, каноны и обряды Православной Церкви не нарушаются явным образом, но всюду всевается яд скрытого кощунства, неверия и осквернения святынь»².

Очевидно, что здесь мы имеем дело все с тем же представлением о двойничестве, эсхатологической подмене сущего несущим, истинного неистинным. Однако нельзя не признать и того, что все эти идеи рождаются как реакция на объективно имеющие место аспекты внешнего и внутреннего курса РПЦ. Помимо серьезных, панических интонаций в массиве этой критики встречаются также сатирические и юмористические: в песне «Батюшка, батюшка, что-то в мире страшно» в ответ на тревожное вопрошание православного о ересеях, личных кодах, номерах и т.д. патриарх успокаивает его, за чем следует недвусмысленный призыв поклониться дьяволу:

– *Батюшка, батюшка, кто же это в храме?!*

Патриарх наш батюшка, кто же там с рогами?!

– *Дитятко, милое, пойдди, поклонися!!!*³.

¹ Эта фраза встречается и в других текстах, см., напр.: Балашова Е.М. Россия – на краю бездны, из которой не выбраться! URL: <http://pravoslav-vojn.info/publikacii/240-rossiya-na-kraju-bezdny-iz-kotoroj-ne-vybratsya.html> (дата обращения: 25.10.2015).

² Козлов Н. Опричный листок №20. Лепта вдовы.

³ Полный текст песенки в интернете был, но теперь его там нет: форум «Русское небо», на котором он был размещен, был закрыт во время написания

Другой образчик православного фольклора с критикой лично Патриарха Кирилла запечатлен белой краской на синем заборе возле т.н. «царского дерева» в Дивеево так, что находится на всеобщем обозрении:

*Прилетит вдруг Гундяев
В ВВС вертолете
И бесплатно засорит мозги
С прославленьем поздравит
И конечно оставит
Нам в подарок 666¹.*

Очевидно, что неодобрение нынешнего курса РПЦ здесь сочетается с личной неприязнью к Патриарху Кириллу. Точно так же обстоит дело и в пространстве Чина Покаяния, где имеют хождение шуточные прозвища иерархов, которые этот курс как бы воплощают: митр. Никодима (Ротова) называют «Никотин», а Патриарха Кирилла – «Курил». Основанием для появления этой шутки, разумеется, послужил табачный скандал середины 90-х гг., внутрицерковной оппозицией до сих пор не забытый и не прощенный.

Основной массив этой критики может быть рассмотрен как симптом эрозии системы традиционного авторитета - системы властных отношений, основанных на обычае и уважении к *должности*, а не *личности* носителя авторитета. Это своего рода эпистемологический коллапс, который является отличительным признаком ситуации жертвенного кризиса: для актора перестает быть очевидным, где истина и где ложь, кому можно верить на слово, а кому – нет. Подобная ситуация невозможности различения «нави» и «яви» блестяще проиллюстрирована

статьи.

¹ «Прославление» здесь - годовщина прославления прп. Серафима Саровского (19 июля), в честь которой Патриарх Кирилл в конце 2000-х – начале 2010-х гг. имел обыкновение посещать Дивеево.

в фильме «Начало» Кристофера Нолана, где герои иногда перестают различать сон и реальность; решением проблемы в данном случае стало привлечение каких-либо способов проверки данных, основание которых было трансцендентно по отношению к кризисной неразличимости. Поэтому у каждого героя был свой *тотем* – артефакт, позволяющий осуществить эту проверку на реальность и провести ускользающее различение. Для православных в качестве таких «тотемов» могут выступать, например, Писание и Предание, а также своего рода духовная интуиция:

Послушание с разумением. Думать надо, а не слепое послушание [...] Почему должен Патриарха слушать, если он говорит неправильно, меня же предупредили в Евангелии [...] Прославили – тоже палка о двух концах... Почему надо все принимать на веру? (муж. ок. 50, Тайнинское, 2011)

Что тебе сердце подсказывает? [...] Что на сердце ляжет, то верно. А второе – уже от лукавого (муж. ок. 40, Тайнинское, 2011).

Дискурс Чина Покаяния, где нами были собраны эти два нарратива, выстраивался за счет полемиического напряжения между несколькими группами православных, старообрядцами и ревнителями культа Славика Чебаркульского, которые продавали книги и диски, но которых никто особенно не жаловал. В связи с этим здесь ходило огромное количество печатных материалов, представляющих различные точки зрения, и разница между ними зачастую рассматривалась как принципиальная. Православный информант (муж. ок. 30) рассказал нам об им самим изобретенном способе проверки всех этих материалов на «богоугодность», балансирующим между чистым опытом удачи

и трансценденцией: документ нужно положить в коробку, накрыть сверху иконкой Богородицы, закрыть и вознести Ей молитву. После этого коробка встряхивается и открывается: если иконка «выпала» лицевой стороной, – значит, Матерь Божья одобрила материал, и не только к использованию, но и к распространению.

Однако наиболее эффективным «тотемом» для большинства церковных людей было и остается обращение к старцам – носителям харизматического авторитета, истинность высказываний которых обеспечивается божественной благодатью. Апелляции к традиционному и харизматическому авторитету функционируют совершенно по-разному даже в плане фразеологии их дискурса. В нормальной ситуации православный, если у него возникает вопрос или проблема, идет «в церковь» либо «к батюшке», потому что так *принято делать* в подобных случаях; «батюшка» здесь – это *какой-нибудь* представитель профессии. Подобная фразеология демонстрирует доверие к институту, а это означает его устойчивость и эффективность. Это же касается и многочисленных ныне изданий вроде «1000 вопросов священнику»: поскольку они дают типовые ответы на типовые вопросы и вполне справляются со своей задачей (о чем свидетельствуют их большие тиражи), то чаще всего неважно, что за священники их писали¹. Сейчас их несколько потеснили онлайн-вопросно-ответные сервисы, имеющие, однако, ту же самую функцию².

¹ Иногда, если в заглавии книги значится «ответы православного священника на вопросы», не обязательно даже, чтобы ее писал священник: довольно и этой формулы. В этом случае автор чаще всего – женщина. См.: Гурьянова Л. Скажите, батюшка... ответы православного священника на вопросы прихожан. – М.: АСТ, Сова, 2006.

² Наиболее популярные из них работают на порталах Православие.ru и Православие и мир. Примечательно, что в случае первого сайта сама по себе *должность* священника оказывается настолько исчерпывающей, что на нем отсутствует даже поименный список тех, кто отвечает. Во втором случае есть имена и фото, что свидетельствует о несколько более индивидуальном подходе и о различии между аудиториями этих двух православных ресурсов.

Совершенно иначе работает апелляция к харизматическому авторитету старца. Невозможно даже представить себе совет поехать к *какому-нибудь* старцу: это всегда *определенный* старец, зачастую обладающий *определенной* компетенцией. Например, иеросхим. Рафаил (Берестов) известен как активный борец с ИНН и УЭК, священник из г. Болгар Казанской обл. о. Владимир Головин – специалист в молитвах по соглашению, схиархим. Власий (Перегонцев) из Свято-Пафнутиева монастыря в г. Боровске владеет иридодиагностикой, т.е. даром определения болезни по радужке глаза, а ныне покойный архим. Иероним (Шурыгин) из Свято-Троицкого монастыря в г. Алатырь много занимался вопросами личной жизни, – знакомил, обручал и венчал молодых людей. Однако помимо этой, у него была и эсхатологическая компетенция: в середине 2000-х гг. он советовал всем спастись от грядущего нашествия китайцев, продавая квартиры в больших городах на Урале (Екатеринбург, Челябинск) и переезжая в центральную полосу. Подобная практика центробежной мобильности, которая усваивалась людьми, изначально приехавшими к нему в поисках жениха или невесты для себя или своих детей, вполне логично сочетается и с периферийной локализацией самого института старчества: это церкви или монастыри, обычно находящиеся на значительном удалении от различных центров церковной и гражданской жизни.

Конфликты между старчеством и священноначалием фактически были нормой еще начиная с XVIII-XIX вв., хотя последнее обычно стремилось к ассимиляции этой альтернативной системы авторитета¹. В послевоенную эпоху (1945-1988) оно иногда было вынуждено закрывать глаза даже на откровенную нелояльность старцев, лишь в крайних случаях прибегая к административным мерам. В качестве примера можно привести иеросхим. Сампсона (Сиверса) и архим. Тавриона (Батозского), находившихся в оппозиции к церковной иерархии соответственно

¹ Беглов А.Л. Старчество в церковной традиции. URL: http://www.rspp.su/pravoslavie/sovr_statyi/starchestvo.html (дата обращения: 25.10.2015).

«справа» и «слева»: первый какое-то время провел в заключении в Псково-Печерском монастыре¹, а второй был переведен с поста настоятеля Глинской пустыни в Почаевскую лавру². Однако в период после 1988 г., когда Московская Патриархия начинает активно сотрудничать с государственной властью и практически перестает нуждаться в поддержке старчества, ситуация меняется. Сегодня в полной мере лояльными Патриархии остаются всего несколько старцев, в первую очередь архим. Кирилл (Павлов), по слухам – духовник патриархов Пимена, Алексия II и Кирилла, архим. Наум (Байбородин) и схиархим. Илий (Ноздрин); крайне популярными и при этом лояльными были покойные прот. Николай Гурьянов и архим. Иоанн (Крестьянкин). Однако многие другие старцы, вокруг которых организуются сети прихрамовой среды, зачастую исповедуют осуждаемые священноначалием и антикультристами радикальные взгляды и демонстрируют свою независимость от официальной иерархии вплоть до открытых призывов к неповиновению ей.

Здесь случаются и более или менее скрытые от посторонних глаз конфликты, наиболее примечательным из которых является случай архим. Петра (Кучера), который с 1996 по 2010 гг. стал главным действующим лицом длинной серии скандалов, в ходе которых вступил в открытое противостояние с правящими архиереями – митр. Мефодием (Немцовым) и еп. Евлогием (Смирновым). Его власть была реальной настолько, что в 2006 г. несколько тысяч человек его паствы вышли крестным ходом за восстановление его в служении после очередного запрещения. Несмотря на весь его радикализм (очевидный из цитаты, приведенной нами в самом начале)³, сталинизм, царбожие и хроническое неподчинение

¹ См.: Синельников С.П. Иеромонах Симеон (Сиверс) в Сталинграде в 1957-1958 гг.: правда и вымыслы // Волга. №4. – 1999.

² См. примечательную в этом смысле статью: Каверин Н. Кто добивается канонизации архимандрита Тавриона (Батозского). URL: <http://www.blagogon.ru/articles/246/> (дата обращения: 25.10.2015).

³ См. также его книгу: Петр (Кучер), архим. Блюдайте убо, како опасно ходите. URL:

вышестоящим, начальство так и не смогло сделать с ним чего-либо существенного и в 2010 г. отправило на покой с правом проживания в Боголюбском монастыре, что означало не сделать вообще ничего¹.

Однако критика священноначалия старцами обычно носит не абстрактный, а конкретный характер и относится к нынешнему курсу Московской Патриархии, направленному на сближение с государственной властью, внутреннюю централизацию и экуменизм. Патриарх Кирилл, в отличие от Патриарха Алексия II, зачастую рассматривается ими как враг, что характерно и для всей прихрамовой среды в целом. В 2009 г., после смерти предыдущего патриарха, архим. Иероним (Шурыгин), открыто призывал свою паству молиться за избрание на Поместном Соборе митр. Климента (Капалина), потому что в случае избрания Кирилла Святая Русь погибнет и грядет конец света. Поддерживающие Кирилла «темные силы» при этом якобы сначала убили Алексия II топором по голове², а потом обзванивали известных старцев

<http://www.3rm.info/18829-nochnoe-videnie-arximandrit-petr-kucher.html> (дата обращения: 25.10.2015).

¹ Краткую сводку с поля боя см.: Портал Credo.ru. Портрет. Архимандрит Петр (Кучер), «старец», бывший духовник Свято-Боголюбского монастыря Владимирской епархии РПЦ МП. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=rating&id=35> (дата обращения: 25.10.2015).

² Идея насильственной смерти Патриарха в различных версиях распространилась сразу после его кончины и была в доступной для широкой аудитории форме высказана актером Станиславом Сададьским, который при этом сослался на диакона Андрея Кураев. Кураев в своем ЖЖ эту ссылку опроверг, но все равно вошел в число «разоблачителей убийства». Эта идея остается популярной в прихрамовой среде, при этом в убийстве обвиняются «экуменисты-апостасийщики в российском руководстве, находящиеся под непосредственным патронатом Мирового Правительства и некоторые из жидовствующего священноначалия РПЦ МП», см.: Еще раз о смерти Патриарха Алексия II. URL: <http://3rm.info/1294-eshhe-raz-o-smerti-patriarxa-aleksiya-ii.html> (дата обращения: 25.10.2015).

В прихрамовой среде высказывалась и идея «ритуального убийства». URL: [http://www.luchmir.com/Rights_files/AlexiiUb.htm] (дата обращения: 25.10.2015).

и угрожали им в случае сопротивления тем же самым.

Основной повод для визита верующего к старцу – это поиск совета. Поэтому старчество можно рассматривать как *консультативную практику*, притом если обращение человека к практикам такого рода обычно свидетельствует о кризисе личном, то ее огромное значение для прихрамовой среды говорит о его системном характере. Первоначально содержание личного кризиса чаще всего оказывается представлено в первую очередь проблемами здоровья и отношений в семье, однако по мере включения актора в сеть «духовных чад» старца и их дискурс человек осваивает новую картину мира и связанные с ней практики, главной из которых является испрашивание / получение благословения на что-либо. Некоторые из этих практик инспирированы непосредственно эсхатологической картиной мира: это в первую очередь отказ от ИНН, российского, советского или любого паспорта (закапывание в землю, сожжение в микроволновке, отправление назад властям), ваучеров, пластиковых карт, медицинских полисов, водительских удостоверений, воздержание от продуктов со штрих-кодом на упаковке¹, специальные молитвы на смерть каких-либо врагов Христовых, на предотвращение конца света или на достижение спасения в случае, если он все же наступит², а также уход с работы, служба при храме³, трудничество при монастыре, принятие монашества и переезд из центра на периферию.

¹ Рекомендации старцев на счет всего этого см.: Згм. Москва - Третий Рим. Мышеловка захлопнулась? УЭК (биометрический паспорт) – окончательное отречение. URL: <http://3rm.info/27337-myshelovka-zahlopnulas-uek-biometricheskij-pasport-okonchatelnoe-otrechenie-ot-hrista-dalee-zombirovanie-i-pechat.html> (дата обращения: 25.10.2015).

² Подборку такого рода молитв, или «Молитвенных воздыханий за страждущее Отечество», см., напр.: Ильинская А. Старцы о последних временах. Духовные очерки. URL: <http://rus-sky.com/history/library/starzy.htm#III> (дата обращения: 25.10.2015).

³ URL: http://convent.mrezha.ru/_text/qnaChurch.htm (дата обращения: 25.10.2015).

Остается добавить, что благословение старцев на что-либо из этого перечня нередко вызывает раздражение церковной иерархии и городского священства, обличающих подобные практики как проявление т.н. «младостарчества» или «лжестарчества»¹. Патриарх Кирилл в 2011 г. говорил о том, что насельникам и насельницам монастырей для окормления мирян необходимо получать «качественное духовное образование», однако этот скрытый упрек, по сути – лишь очередная констатация хорошо понятного желания священноначалия ассимилировать радикальную церковную периферию².

Локализация и мобильность

Итак, еще одной характерной чертой жертвенного кризиса является эрозия всего того, что прежде было *центральным*: большие города и прежние святые места вдруг оказываются проклятыми и зараженными, священники и епископ Московской Патриархии отступают от веры, а храмы, где они служат, объявляются «чипированными» и «безблагодатными».

Все эти явления включены в процессы перераспределения пространства и авторитета, которые лежат в основе первоначального оформления и последующего воспроизводства прихрамовой среды как социальной сети. Вряд ли можно счесть совпадением тот факт, что практически все ее смысловые центры («святые места») в масштабе страны расположены в монастырях при небольших городах, деревнях, поселках, а также на островах: *центробежная мобильность и локализация* оказываются, таким образом, ее конститутивными признаками³. Субкультура

¹ См.: Анти-Раскол. Младостарчество и лжестарчество URL: <http://www.anti-raskol.ru/grup/317> (дата обращения: 25.10.2015).

² РПЦ. Официальный сайт Московского Патриархата. Святейший Патриарх Кирилл: При духовном окормлении монахом мирянина необходимо сосредоточиться на руководстве внутренней жизнью души, не покушаясь отнять у ближнего Богом данную ему свободу. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1850711.html> (дата обращения: 25.10.2015).

³ Достаточно взять в руки любую книгу о «святых местах России», чтобы

находится в постоянном движении, вектор которого направлен от центра к периферии, от больших городов – к городам небольшим, а от них – к пригородам, деревням и селам. В терминах социолога Джона Урри, известного своим отказом от понятия *общества* в пользу понятия *мобильности*, прихрамовую среду можно определить даже не как сообщество, а как сеть, существование которой основано на циркуляции определенных идей и вещей и практиках центростремительной мобильности¹. Однако, поскольку при расчете направления и характера движения прихрамовой среды за точку отсчета принимается некое весьма условное «нормальное городское православие», то получается, что топливом для него служат прежде всего эрозия институтов религии и определенные противоречия, попытка разрешения которых подвигает церковных людей к поиску новых форм социальности и церковности, которые зачастую клеймятся антикультистами как «внутрицерковное сектантство». Оставляя на их совести пейоративную и перформативную составляющие этого определения, отметим, что в терминах Пьера Бурдьё они неожиданно оказываются по сути правы, поскольку говорят о *поле сектантства*, противостоящем *полю церковности*², т.е. о совокупности небольших новых религиозных движений, плохо контролируемая пролиферация которых является прямым следствием системных кризисов старых религий.

Здесь необходимо указать на несколько основных моментов. В прихрамовой среде возникают новые *формы организации*

в этом убедиться: это, например, Свято-Троицкая Сергиева Лавра (г. Сергиев Посад), Кирилло-Белозерский монастырь (г. Кириллов), Серафимов-Дивеевский монастырь (с. Дивеево), Спасо-Преображенский монастырь (Большой Соловецкий о.), Свято-Боголюбский монастырь (п. Боголюбово), Спасо-Николаевский монастырь (г. Верхотурье), Свято-Введенская Оптина пустынь (г. Козельск), Валаамский монастырь (о. Валаам) и т.д.

¹ См.: Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. – Routledge, 2000; Urry J. *Mobilities*. – Polity, 2007.

² Bourdieu P. *Genèse et structure du champ religieux* // *Revue française de sociologie*. – Vol. 12. – 1971. – P. 295-334.

и способы организовываться, по самому своему замыслу иногда – стабильные, иногда – ситуативные. С одной стороны, при наличии харизматического лидера здесь могут возникать новые церкви, общины и братства, а с другой – новые коммуникационные площадки. Принципиально важно, что размещение новых социальных структур в измерениях пространства и авторитета является все так же периферийным и оппозиционным. Кроме того, как мы уже упоминали в связи со старчеством, эсхатологическая картина мира церковных людей нередко заставляет их осваивать практики центробежной мобильности, например, переезжать в глубинку или уходить в монастырь навсегда либо на время, не говоря уже о классических практиках вроде паломничества. Кормина вслед за Виктором и Эдит Тернерами¹ описывает все эти практики как «антиструктурные», минимизирующие контроль церковной институции над религиозной жизнью, и приводит большое количество примеров практик такого рода². Мы, однако, полагаем необходимым рассматривать их во взаимосвязи с другими кризисными явлениями, и далее кратко проанализируем эти два основных момента на материале трех кейсов.

Примечательным примером эксперимента новой социальности / церковности стало хорошо известное «Братство Царя-Искупителя», созданное в начале 1990-х гг. идеологом царебожия Вадимом Кузнецовым, который с конца предыдущего десятилетия проповедовал в Дивеево и распространял альманах «Жизнь Вечная», основанный, правда, не им самим. Это братство было лишь одним из многих инициатив 1990-х – 2000-х гг., с позиции священноначалия совершенно неуправляемых, так что перед каждым из них стоял непростой выбор – присягнуть на верность или встать в открытую оппозицию.

¹ Turner V., Turner E. Image and Pilgrimage in Christian Culture. – Columbia University Press, 1995.

² Кормина Ж. Номадическое православие: к вопросу о новых формах религиозной жизни в современной России // Ab Imperio. – №2 (2012). – С. 195-227.

Созданный примерно в это же время (1992 г.) Союз Православных Хоругвеносцев, например, выбрал первое, и в 2006 г. его глава Леонид Симонович-Никшич получил от Алексия II орден св. прп. Сергия Радонежского третьей степени. Кузнецов пошел по другому пути, и в 2008 г. «Братство» вышло из-под омофора Московской Патриархии и стало Царской Православной Церковью, вошедшей в общение с различными юрисдикциями ИПХ. С тех пор ими было рукоположено несколько архиереев и создан Священный Правительствующий Синод во главе с архиеп. Алексией (Иванниковым), бывшим протоиереем РПЦ¹. Харизматическое лидерство Кузнецова при этом зачастую оспаривается даже другими царебожниками: свящ. Роман Зеленский, один из самых известных сторонников этого учения в Санкт-Петербурге, с горечью отозвался о нем как о «возгордившемся» и отказался занять место «протоиерея, ведающего армией и флотом» в его Синоде. Информанты из числа участников Чина Покаяния зачастую отзывались о братстве как о «какой-то секте где-то под Владимиром»², а еще один сильно пьющий православный (муж. ок. 60) называл Кузнецова не иначе как его «змием» и утверждал, что альманах «Жизнь Вечная» он «отбил у двух хороших парней». Сейчас ЦПЦ существует в виде более-менее стабильной общины в дер. Тимохино Владимирской обл. – по-видимому, в некоторой изоляции от падшего мира. Очевидно, однако, что эта церковь – лишь капля в море ей подобных и является всего лишь фрагментом сложной мозаики схожих с ней «низовых» церковных структур, активно взаимодействующих и иногда плохо отличимых одна от другой.

¹ См., напр.: Царская Православная Церковь (Братство Царя-Искупителя). Иерархия литургических церквей. URL: <http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-bratstvo.html> (дата обращения: 25.10.2015).

² Эти сообщения очень мало согласуются с материалами рязанского издания «Родной город», но, тем не менее, представляются значимыми. URL: Про Рязань. Родной город. «Церковь царя» в российской глубинке URL: <http://pro-ryazan.com/2015/02/10/57484> (дата обращения: 25.10.2015).

Другим примером общины того же рода, однако гораздо более текучей и состоящей как бы из *твердого ядра* и *подвижного пояса* верующих, может послужить культ святого отрока Вячеслава в г. Чебаркуль Челябинской обл., возникший в результате деятельности его матери, Валентины Афанасьевны. Внутренний круг ее общины составляет несколько пожилых женщин, которые знали ее сына при жизни и которые в определенные дни и часы дежурят в *сени* на его могиле на городском кладбище. Однако в дни большого стечения паломников – например, в день рождения отрока 22 марта, – становится очевидно, что его мать поддерживает общение с огромным количеством православных самых различных убеждений, которые стекаются со всей России и обеспечивают постоянную циркуляцию идей и вещей, связанных с культом отрока: освященных камешков с могилы, книг¹, икон, документальных фильмов и т.д. Автор имел уникальную возможность принимать участие в праздновании 30-летия отрока и убедиться в том, что других гостей объединяло между собой только почитание его как святого и общая оппозиционность вплоть до принадлежности к старообрядческим юрисдикциям ИПХ. Несмотря на то, что в официальной легенде харизма Славика легитимируется благословением архим. Кирилла (Павлова), в целом община противопоставляет себя священноначалию РПЦ, а на локальном уровне негативным полюсом ее дискурса является священство единственного в городе храма в честь Преображения Господня. Вопреки слухам его настоятель относится к паломникам вполне терпимо и самое большое проводит среди них с разъяснительную работу², но почти вся духовная жизнь города, тем не менее, оказывается растянута между этими двумя

¹ См: Крашенинникова В.А. Посланный Богом. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2013; Емельянова Л. Бог говорит избранникам своим... – Благовещение, 2007.

² Среди прочего, распространяет изданную Челябинской епархией брошюру: Бабьих басен отвращайся... – Челябинск: Челябинская епархия Русской Православной Церкви, 2009.

сакральными локусами: старым центральным в центре города и новым периферийным на городском кладбище.

Чин Покаяния в с. Тайнинском – пример третьего рода: это не более или менее устойчивое сообщество, а коммуникационная площадка, причем в высшей степени нестабильная и даже конфликтная. С начала 2000-х гг., после того, как здесь был установлен памятник Николаю II работы Вячеслава Клыкова, скульптора и православного националиста, здесь начали проводиться чины всенародного покаяния в различных грехах против богоданной царской власти¹. Сейчас это мероприятие проводится два раза в месяц двумя епископами, рукоположенными опальным еп. Диомидом (Дзюбаном), но находящимися в конфликте между собой – Корнилием (Радченко)² и Феофилом (Дзюбаном)³. Аудитория Чина насчитывает около 70-80 человек – в основном из Москвы, но также и из других городов, в основном православных, но также и старообрядцев. Смысл существования площадки заключается не в основании новой церкви или общины, – к проектам подобного рода здесь относятся достаточно скептически, – а в поддержании общего проблемного поля и создании *каналов* для *потоков* информации и артефактов, имеющих к нему какое-либо отношение, а также включенных в него акторов и команд: поэтому группа православных из Нижнего Новгорода, прибыв сюда, может смело делиться с местными свежими пророчествами о времени пришествия Грядущего Царя – и едва ли останется непонятой. Коммуникация в пространстве Чина Покаяния осуществляется в два временных отрезка – до его начала и в его середине, между исповедью и причастием: люди спонтанно организуются вокруг всякого рода примечательных

¹ См.: Чин Всенародного Покаяния URL: <http://www.chin-pokayaniya.ru/index.php?m=7> (дата обращения: 25.10.2015).

² В 2012 г. был провозглашен главой Царской Православной Церкви Святой Руси с титулованием митрополитом Московским и Святой Руси. См.: URL: <http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-kornilij.html> (дата обращения: 25.10.2015).

³ Родной брат Диоида.

личностей и делятся между собой новостями и мнениями. Для завсегдатаев мероприятия общение может даже быть важнее собственно молитв: во всяком случае, активист местной общины и редактор газеты «Церковный вестник» (муж. ок. 45) охотно уделял автору время для беседы прямо во время чинопоследования.

Все эти три примера достаточно радикальны и демонстрируют центробежную логику организации и коммуникации, при рассмотрении которой необходимо принимать во внимание всю совокупность кризисных идей и образов, рассмотренных нами выше. Конечно, едва ли здесь можно говорить о какой-либо причинно-следственной связи: следует рассматривать как корреляцию, взаимообусловленности этих двух аспектов проблемы – условно реального и столь же условно воображаемого.

Настоящая попытка описания прихрамовой среды как сообщества / субкультуры / сети – одним словом, некоторой совокупности православных, определяющих ситуацию как «жертвенный кризис», является, разумеется, всего лишь моделью, которая позволяет систематизировать эмпирический материал и рассмотреть некоторые отличительные черты мышления и поведения церковных людей. Эта модель сама по себе никоим образом не претендует на роль «контекста» и ничего не объясняет: это всего лишь рубрика, в которую заносятся явления, – как мы полагаем, дополняющие и объясняющие друг друга.

Мы рассмотрели связь между социальным кризисом и эсхатологическим воображением, представления о постепенной дьявольской подмене пространства, времени, языка, об эрозии ритуала и отступничестве священноначалия, связав их между собой с помощью понятий насилия, двойничества и неразличимости. Мы обнаружили, что все это иногда в сочетании дает примечательные *системные эффекты* вроде невозможности исполнения актуального насилия и замены

его насилием божественным или молитвенным. Кроме того, мы обозначили центробежный характер практик и институтов прихрамовой среды, связанный с эрозией бывших центров, и рассмотрели его на примере перераспределения авторитета и некоторых особенностей локализации и мобильности субкультуры. Разумеется, любая научная модель служит в т.ч. и *фильтром* для отбора свидетельств определенного рода: не все церковные люди молятся на смерть врагов и открыто выказывают нелояльность по отношению к Московской Патриархии, однако это не отменяет самого факта существования подобных явлений. В целом мы полагаем, что продемонстрировали высокий эвристический потенциал понятия жертвенного кризиса и в дальнейшем надеемся найти ему применение и на другом материале.